УДК 81 (272)
МРНТИ 16.21.27
DOI 10.37238/2960-1371.2960-138X.2026.103(3).7

Утегенова К.Т., Байбулова А.Т.

**Западно-Казахстанский университет имени М. Утемисова,
Уральск, Казахстан**

E-mail: karlyga@bk.ru, ainara_mahmetjanova@bk.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ И МАНИПУЛЯТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ

Аннотация. Статья посвящена исследованию речевой агрессии и манипулятивных стратегий в студенческой среде в условиях конфликтной коммуникации. Целью исследования является выявление наиболее частотных языковых маркеров агрессии и манипуляции, а также определение закономерностей их функционирования в зависимости от типа коммуникации, статусных отношений участников и стадии конфликта. Эмпирическую базу составили 80 фрагментов устной и письменной коммуникации студентов, включая диалоги, конфликтные высказывания и интернет-переписки. В ходе анализа были выявлены наиболее распространенные маркеры речевой агрессии и манипуляции, установлены различия между устной и письменной формами общения, а также между симметричной и асимметричной коммуникацией. Результаты исследования показали, что речевая агрессия и манипулятивные стратегии образуют устойчивые коммуникативные модели и чаще всего функционируют совместно, усиливая воздействие на адресата.

Ключевые слова: речевая агрессия; манипуляция; образовательный дискурс; студенческая среда; языковые маркеры; коммуникативные стратегии; речевое воздействие; конфликтный дискурс; прагматика речи.

Введение

Современная образовательная среда, будучи пространством интенсивной межличностной коммуникации, все чаще становится ареной для реализации речевых практик, выходящих за рамки нормативного академического дискурса. Особую озабоченность в данном контексте вызывают процессы деформации речевого поведения в студенческой среде – социальной группе, характеризующейся высокой динамикой взаимодействия, нестабильностью статусных позиций и повышенной сензитивностью к вербальным воздействиям. В то время как педагогические и психологические аспекты общения в вузе изучены достаточно подробно, лингвистическая природа деструктивных речевых феноменов именно в студенческом коллективе остается фрагментарно описанной. Настоящее исследование направлено на восполнение этого пробела.

Проблема, определяющая актуальность данной работы – языковые механизмы и маркеры реализации речевой агрессии и манипулятивных стратегий в повседневном общении студентов, а также их соотнесение с контекстуальными условиями вузовской коммуникации. Существующие описания агрессии и манипуляции преимущественно

базируются на материале политического, медийного или бытового диалога, тогда как студенческая среда обладает специфическими признаками: совмещением формальных (учебных) и неформальных (межличностных, досуговых) форм общения, возрастной гетерогенностью и наличием устойчивого прагматического компонента (борьба за академический ресурс, признание в группе).

Целью исследования является лингвистическая классификация вербальных средств речевой агрессии и манипулятивных стратегий, используемых в студенческой среде, а также установление зависимости выбора этих средств от коммуникативной ситуации и социальных ролей участников взаимодействия.

Гипотеза исследования предполагает, что в студенческой среде речевая агрессия и манипулятивные стратегии образуют системные, взаимосвязанные паттерны, при этом выбор языковых средств их реализации определяется типом коммуникации, статусной асимметрией участников и фазой развития конфликта.

Необходимость проведения данного исследования обусловлена рядом факторов. Во-первых, теоретическая значимость обусловлена недостаточной разработанностью комплексной лингвистической модели анализа деструктивных речевых явлений. Во-вторых, нарастающая цифровизация студенческой коммуникации (переход части взаимодействия в мессенджеры и социальные сети) трансформирует классические формы речевой агрессии, порождая новые, гибридные, что требует лингвистического осмысления.

Материалы и методы исследования

Исследование речевой агрессии и манипулятивных стратегий в студенческой среде основывается на комплексном подходе, сочетающем теоретические и практические методы анализа языкового материала. Теоретическая часть данного раздела представляет собой аналитический обзор ключевых категорий, используемых в дальнейшем при анализе эмпирического материала.

Речевая агрессия определяется Ю.В. Щербиной как форма вербального воздействия, направленная на выражение негативного отношения к адресату, его действиям, позиции или социальному статусу, способная привести к нарушению коммуникативного равновесия и эскалации конфликта [1, с. 7-8].

Л. Р. Комалова и Е. Р. Садова рассматривают речевую агрессию как разновидность речевого поведения, реализуемую посредством определенных языковых средств, при этом особое значение имеет прагматика высказываний, их интенциональная направленность и коммуникативный эффект [2, с. 78]. Междисциплинарный характер данного феномена обуславливается взаимодействием когнитивных, эмоциональных, социальных и поведенческих компонентов [3, с. 45-46].

Речевая агрессия требует четкого разграничения со смежными понятиями конфликта, враждебности и негативной оценки. В широком смысле агрессия рассматривается как форма поведения, направленная на причинение физического, психологического или социального вреда другому субъекту [4], тогда как речевая агрессия представляет собой ее частный случай, реализуемый посредством языковых средств [5, с. 20, 24]. Конфликт же, в соответствии со словарными дефинициями, представляет собой социальное взаимодействие, основанное на столкновении интересов, целей или позиций участников [6]. При этом речевая агрессия может выступать средством выражения или эскалации конфликта, однако конфликтное взаимодействие не всегда сопровождается использованием агрессивных речевых средств [7]. Враждебность рассматривается как устойчивое эмоционально-когнитивное

состояние, отражающее негативное отношение одного субъекта коммуникации к другому, и не обязательно получает непосредственное вербальное выражение [8, с. 14].

По степени открытости различаются эксплицитная и имплицитная агрессия [9, с. 102-104]. К числу эксплицитных маркеров речевой агрессии относятся оскорбления, обвинения и обесценивание, когда языковые средства прямо указывают на негативную оценку [10, с. 69-73]; к имплицитным формам – сарказм и ирония, реализуемые через скрытые смыслы, подтексты, контекстуальные намеки [11, с. 113-114], при которых негативная оценка выражается через расхождение буквального и подразумеваемого содержания высказывания.

Другим значимым видом речевого воздействия является манипуляция, направленная на скрытое изменение установок, мнений или поведения адресата без его явного осознания.

Е.Л. Доценко считает, что в отличие от убеждения, основными признаками речевой манипуляции выступают наличие неявной цели и воздействия на адресата для формирования у него иллюзии самостоятельного принимаемого им решения [12, с. 35–40, 59–61]. Манипуляция опирается на стереотипы, пресуппозицию, когнитивные искажения и апелляцию к чувствам, снижающим уровень критического восприятия [12, с. 166]. Среди манипулятивных стратегий Д.В. Окунева и Т.С. Яцко выделяют наступательную, защитную, безразличия, дискредитации, самопрезентации, легитимации, проксимизации и идеологической поляризации [13, с. 63-64]. Универсальными манипулятивными тактиками выступают дезинформация, предвзятое представление информации, умолчание, подмена понятий, снижение спорности высказывания, апелляция к авторитету, навешивание ярлыков и поляризация.

В реальной коммуникации речевая агрессия и манипулятивные стратегии редко функционируют изолированно, агрессивные высказывания часто включаются в структуру манипулятивного воздействия, усиливая его эффективность.

Анализируя фазы конфликтного дискурса, Н. А. Белоус утверждает, что особую среду использования речевой агрессии и манипуляции представляет конфликтная коммуникация, которая характеризуется противопоставлением позиций, несовпадением коммуникативных целей, повышенной оценочностью и эмоциональностью, проявляющаяся в усилении экспрессивности речи [14]. В образовательной среде существенным фактором становится статус участников коммуникации. Так, асимметрия в оппозиции «преподаватель – студент» определяет выбор речевых стратегий: более высокий статус допускает использование директивных и оценочных высказываний, подчиненная позиция чаще прибегает к косвенным формам выражения несогласия – иронии, намекам, уходу от прямого ответа [15, с. 79-80].

Речевая агрессия и манипуляция реализуются на различных уровнях языковой системы. На морфологическом уровне они проявляются через диминутивы, транспозицию грамматических категорий и усилительные частицы [16, с. 53-54]; на лексическом уровне – инвективную, негативно маркированную лексику, уничижительные номинации, зоосемантические метафоры, проклятия и дисфемизмы [9, с. 103-105]; на синтаксическом уровне – императивы, риторические вопросы, безличные конструкции и синтаксический параллелизм [16, с. 55-56]. Особое значение имеет прагматический уровень, поскольку именно здесь раскрывается связь между языковой формой и коммуникативной интенцией. Имплицитные смыслы,

пресуппозиции и контекстуальные намеки позволяют влиять на интерпретацию высказывания без прямого выражения намерений [17, с. 6].

Таким образом, существующие исследования дают возможность рассмотрения речевой агрессии и манипуляции как взаимосвязанные формы речевого воздействия, конкретная реализация которых определяется языковыми средствами и условиями речевой ситуации. Для анализа коммуникации студентов важными параметрами являются тип общения, статусные отношения участников, конфликтный контекст и способы эксплицитного или имплицитного выражения воздействия.

Эмпирическую базу исследования составляют фрагменты устной и письменной коммуникации студентов, отобранные методом сплошной и целенаправленной выборки. Материал включает три типа источников: 1) фрагменты диалогов из студенческой среды (устная речь, зафиксированная методом включенного наблюдения и последующей транскрипции); 2) примеры конфликтной коммуникации (предоставленные информантами на условиях анонимности); 3) тексты интернет-переписок (чаты учебных групп в мессенджерах).

Все персональные данные участников коммуникации исключены из этических соображений. Общий объем выборки составляет 80 фрагментов, каждый из которых репрезентирует завершенный коммуникативный эпизод конфликтного или предконфликтного взаимодействия. Основными методами анализа являются лингвистический анализ конфликтного дискурса, контент-анализ (для фиксации частотности языковых маркеров), элементы статистического анализа.

Результаты исследования

Анализ проводился в три этапа: первый – первичная категоризация; второй – идентификация языковых маркеров; третий – количественный анализ.

На первом этапе каждый из 80 фрагментов был классифицирован по трем параметрам: тип коммуникации, симметричность статусов и фаза конфликта. Результаты анализа представлены в табл. 1.

Таблица 1 – Распределение эмпирического материала по параметрам категоризации

Параметр категоризации	Градация	Количество фрагментов	%-ное соотношение
Тип коммуникации	Устная	30	37,5%
	Письменная	50	62,5%
Симметричность статусов	Симметричная	58	72,5%
	Ассиметричная	22	27,5%
Фаза конфликта	Латентная	21	26,3%
	Эскалация	34	42,5%
	Кульминация	18	22,5%
	Разрешение/затухание	7	8,7%

Как следует из представленных данных, наиболее представленной в выборке оказалась фаза эскалации (42,5%), что свидетельствует о высокой концентрации конфликтного напряжения в отобранном материале. Наименее представлена фаза разрешения (8,7%), что объясняется тем, что завершение конфликта не всегда получает явное речевое выражение. Преобладание симметричной коммуникации «студент-

студент» (72,5%) над асимметричной (27,5%) отражает специфику студенческой среды, где основное взаимодействие происходит между равными по статусу участниками.

На втором этапе анализа в каждом фрагменте были идентифицированы языковые маркеры речевой агрессии и манипулятивных стратегий. Для каждого типа маркера подсчитана абсолютная частота встречаемости и относительная частота (процент фрагментов, содержащих данный маркер, от общего объема выборки. Результаты представлены в табл. 2 и 3.

Таблица 2 – Частотность маркеров речевой агрессии

Маркер речевой агрессии	Абсолютная частота	Относительная частота
Оскорбление	29	36,3%
Обесценивание	41	51,3%
Обвинение	37	46,3%
Ирония/сарказм	49	61,3%
Угрозы	12	15%
Проклятия	8	10%

Наиболее частотным маркером речевой агрессии в студенческой среде оказалась ирония и сарказм (61,3% фрагментов). Высокие показатели также демонстрируют обесценивание (51,3%) и обвинение (46,3%). Наименее частотны угрозы (15%) и проклятия (10%), что может свидетельствовать о наличии институциональных ограничений, препятствующих прямым и наиболее деструктивным формам агрессии, особенно в письменной коммуникации, которая составляет основу выборки.

Таблица 3 – Частотность маркеров манипулятивных стратегий

Маркер манипуляции	Абсолютная частота	Относительная частота
Обобщающие конструкции	37	46,3%
Пресуппозиции	33	41,3%
Апелляция к авторитету	21	26,3%
Навешивание ярлыков	30	37,5%
Поляризация	18	22,5%
Подмена тезиса	24	30%

Среди манипулятивных маркеров доминируют обобщающие конструкции (46,3%) и пресуппозиции (41,3%), что указывает на стремление говорящего представить свою позицию как универсальную или имплицитно внедрить определенную интерпретацию ситуации. Апелляция к авторитету (26,3%) и поляризация (22,5%) встречаются реже, что может быть связано с их большей привязанностью к специфическим коммуникативным контекстам (например, учебная дискуссия или групповая конфронтация).

Для выявления различий между устной и письменной коммуникацией были сопоставлены частотности ключевых маркеров в каждой подгруппе. Ирония и сарказм значительно чаще встречаются в письменной коммуникации (68% против 50%), что объясняется возможностью более тщательного конструирования высказывания и отсутствием паравербальных средств, которые заменяются стилистическими приемами

(кавычками, восклицательными знаками, эмодзи). Оскорбления и обесценивание чаще фиксируются в устной речи (43,3% и 56,7% соответственно), что связано с ее спонтанным характером и сниженным самоконтролем. Обобщающие конструкции, пресуппозиции и навешивание ярлыков более характерны для письменной коммуникации, где манипулятивный потенциал может быть реализован более тонко и продуманно.

Сопоставление симметричной («студент-студент», n=58) и асимметричной («студент-преподаватель», n=22) коммуникации выявило статистически значимые различия в выборе маркеров. Результаты представлены на рис. 1.

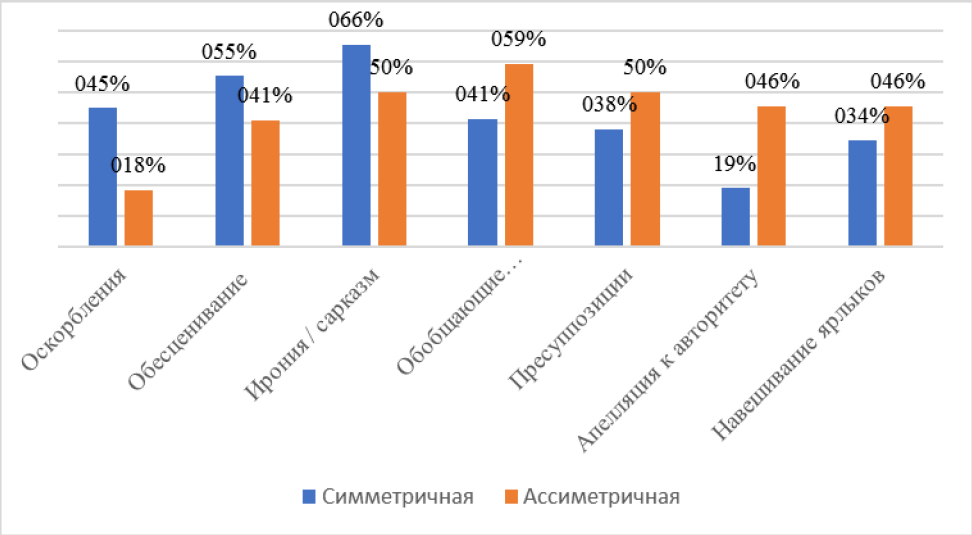

Рисунок 1 – Частотность маркеров в зависимости от симметричности статусов

В симметричной коммуникации значительно выше частотность эксплицитных маркеров агрессии. Это объясняется отсутствием статусных ограничений, студенты позволяют себе более прямые формы выражения негативного отношения при общении с равными.

В асимметричной коммуникации выше доля имплицитных маркеров манипуляции. Студенты, находясь в подчиненной позиции, вынуждены маскировать агрессию и воздействовать косвенно, избегая прямых оскорблений и открытой конфронтации.

Анализ распределения маркеров по фазам конфликта (латентная, эскалация, кульминация, разрешение) позволяет проследить динамику речевого поведения. На латентной стадии доминируют имплицитные маркеры: ирония/сарказм (76,2%) и пресуппозиции (61,9%). Конфликт еще не проявлен открыто, агрессия маскируется. На стадии эскалации резко возрастает частота обесценивания (58,8%) и оскорблений (44,1%), конфликт переходит в открытую фазу, снижается самоконтроль. На стадии кульминации достигают максимума оскорбления (50%), наиболее деструктивная форма агрессии. Одновременно снижается доля иронии и пресуппозиций, так как имплицитные формы уступают место эксплицитным. На стадии разрешения все маркеры демонстрируют снижение, что свидетельствует о затухании конфликта и/или переходе к кооперативным стратегиям.

Анализ показал, что в 53 из 80 фрагментов (66,3%) одновременно присутствуют как маркеры речевой агрессии, так и маркеры манипуляции. В 17 фрагментах (21,3%)

выявлены только маркеры агрессии (без явных манипулятивных элементов). В 6 фрагментах (7,5%) присутствуют только маркеры манипуляции. В 4 фрагментах (5%) не идентифицировано ни одного маркера (эти единицы были включены в выборку как потенциально конфликтные, но при анализе классифицированы как предконфликтные или нейтральные). Преобладание комбинированного типа подтверждает теоретическое положение о том, что в конфликтной коммуникации речевая агрессия и манипулятивные стратегии редко функционируют изолированно.

Заключение

Проведенное исследование подтвердило, что речевая агрессия и манипулятивные стратегии в студенческой среде образуют устойчивые, системно воспроизводимые паттерны. Наиболее частотным маркером агрессии оказались ирония и сарказм (61,3% фрагментов), что в сочетании с высокими показателями обесценивания (51,3%) и обвинений (46,3%) свидетельствует о том, что студенты предпочитают завуалированные формы деструктивного воздействия, направленные на снижение коммуникативного статуса собеседника, тогда как прямые угрозы остаются редкими. Институциональные ограничения образовательной среды смещают речевую агрессию в сторону более «цивилизованных», но не менее деструктивных форм.

Сопоставительный анализ устной и письменной коммуникации показал, что в текстовых диалогах имплицитные маркеры агрессии и манипуляции встречаются значительно чаще (ирония – 68% против 50% в устной речи), тогда как открытые оскорбления доминируют в устной спонтанной речи. Это имеет практическое значение, поскольку студенческая коммуникация все активнее перемещается в цифровую среду, где манипулятивный потенциал языка реализуется тоньше, а письменная фиксация создает иллюзию безобидности подобных высказываний. Статусная асимметрия также определяет выбор стратегий, в общении с преподавателями студенты переключаются на имплицитные формы воздействия – апелляцию к авторитету (45,5% против 19%), обобщающие конструкции (59,1% против 41,4%) и пресуппозиции (50% против 37,9%), тогда как с равными по статусу сокурсниками допускают прямые оскорбления. Эмпирически подтверждена взаимосвязь агрессии и манипуляции, в 66,3% фрагментов маркеры обоих типов присутствуют одновременно.

Тем самым цель исследования достигнута, гипотеза подтверждена: речевая агрессия и манипулятивные стратегии представляют собой системно организованные паттерны, выбор которых закономерно меняется в зависимости от формы коммуникации, статусных отношений участников и стадии развития конфликта.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Щербина Ю.В. Русский язык. Речевая агрессия и пути ее преодоления: Учебное пособие для студентов, преподавателей, учителей. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 235 с.

[2] Комалова Л.Р., Садова Е.Р. Фактор речевого контекста при определении прагматической направленности вербализованной агрессии в интернет-опосредованной коммуникации. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: «Языкознание» – 2022. – Т. 21. №3. – С. 77-89.

[3] Девдариани Е.В., Рубцова Е.В. Агрессия в языке и речи как социальная проблема. // КНЖ. 2019. – №1 (26). – С. 45-47.

[4] Jhangiani R., Tarry H. Principles of Social Psychology – 1st International H5P Edition. Chapter 9. Aggression. [Электронный ресурс] – URL: https://opentextbc.ca/socialpsychology/chapter/chapter-summary-9/ (дата обращения: 13.05.2026).

[5] Yelnikova N., Yushkevych O. Verbal Aggression: Linguistic and Legal Aspect. // Law and Safety. –2025. – №2 (97). – P. 17-26. DOI: 10.32631/pb.2025.2.02

[6] Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. [Электронный ресурс] – URL: https://gufo.me/dict/kuznetsov (дата обращения: 27.01.2026).

[7] Энциклопедический словарь по психологии и педагогике (сводный). – [Электронный ресурс] – URL: https://med.niv.ru/doc/dictionary/psychology-and-pedagogy/index.htm (дата обращения: 27.01.2026).

[8] Буданова И.Ю. Современные исследования психофизиологических предпосылок враждебности. // Северо-Кавказский психологический вестник. – 2016. – Т. 14. №2. – С. 12-18.

[9] Брадецкая И.Г., Соловьева Н.Ю. Семантика языковых средств, выражающих агрессию в юридической сфере. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2019. – №7. – С. 102-105.

[10] Егорова Э.Н. Речевая агрессия и стратегия дискредитации (на примере анализа газетных публикаций). // Язык и текст langpsy.ru. – 2015. – Т. 2. №3. – С. 69-75. DOI: 10.17759/langt.2015020309

[11] Маевский В.М. Имплицитная речевая агрессия в текстах современных британских СМИ. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: «Языкознание». – 2022. – Т. 21. №4. – С. 111-122.

[12] Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – М.: ЧеРо, Издательство МГУ, 1997. – 344 с.

[13] Окунева Д.В., Яцко Т.С. Речевое манипулятивное воздействие: стратегии и тактики. // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. – 2024. – №4 (50). – С. 61-65.

[14] Белоус Н.А. Фазовая характеристика конфликтного дискурса. [Электронный ресурс] – URL: http://www.tverlingua.ru/archive/008/section_3_8/3_2_8.htm (дата обращения: 27.01.2026).

[15] Зотова Т.Ю., Суркова А.П. Тактики речевого воздействия в аспекте изучения коммуникативного поведения педагога. // Проблемы современного педагогического образования. – 2022. – №74-4. – С. 78-82.

[16] Порозова И.Е. Сигналы речевой агрессии в текстах научной и публицистической рецензий. – Екатеринбург, 2018. – 109 с.

[17] Чжоу Чуньянь, Павлов Д.В. Экстралингвистические особенности политического дискурса СМИ. // Филологический вестник. – 2024. – №2. – С. 4-9.

REFERENCES

[1] Shherbina Ju.V. Russkij jazyk. Rechevaja agressija i puti ee preodolenija: Uchebnoe posobie dlja studentov, prepodavatelej, uchitelej. – M.: Flinta: Nauka, 2004. – 235 s.

[2] Komalova L.R., Sadova E.R. Faktor rechevogo konteksta pri opredelenii pragmaticheskoj napravlennosti verbalizovannoj agressii v internet-oposredovannoj kommunikacii. // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: «Jazykoznanie» – 2022. – T. 21. №3. – S. 77-89.

[3] Devdariani E.V., Rubcova E.V. Agressija v jazyke i rechi kak social'naja problema. // KNZh. 2019. – №1 (26). – S. 45-47.

[4] Jhangiani R., Tarry H. Principles of Social Psychology – 1st International H5P Edition. Chapter 9. Aggression. [Jelektronnyj resurs] – URL: https://opentextbc.ca/socialpsychology/chapter/chapter-summary-9/ (data obrashhenija: 13.05.2026).

[5] Yelnikova N., Yushkevych O. Verbal Aggression: Linguistic and Legal Aspect. // Law and Safety. –2025. – №2 (97). – R. 17-26. DOI: 10.32631/pb.2025.2.02

[6] Kuznecov S.A. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka. [Jelektronnyj resurs] – URL: https://gufo.me/dict/kuznetsov (data obrashhenija: 27.01.2026).

[7] Jenciklopedicheskij slovar' po psihologii i pedagogike (svodnyj). – [Jelektronnyj resurs] – URL: https://med.niv.ru/doc/dictionary/psychology-and-pedagogy/index.htm (data obrashhenija: 27.01.2026).

[8] Budanova I.Ju. Sovremennye issledovanija psihofiziologicheskih predposylok vrazhdebnosti. // Severo-Kavkazskij psihologicheskij vestnik. – 2016. – T. 14. №2. – S. 12-18.

[9] Bradeckaja I.G., Solov'eva N.Ju. Semantika jazykovyh sredstv, vyrazhajushhih agressiju v juridicheskoj sfere. // Sovremennaja nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Serija: Gumanitarnye nauki. – 2019. – №7. – S. 102-105.

[10] Egorova Je.N. Rechevaja agressija i strategija diskreditacii (na primere analiza gazetnyh publikacij). // Jazyk i tekst langpsy.ru. – 2015. – T. 2. №3. – S. 69-75. DOI: 10.17759/langt.2015020309

[11] Maevskij V.M. Implicitnaja rechevaja agressija v tekstah sovremennyh britanskih SMI. // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: «Jazykoznanie». – 2022. – T. 21. №4. – S. 111-122.

[12] Docenko E.L. Psihologija manipuljacii: fenomeny, mehanizmy i zashhita. – M.: CheRo, Izdatel'stvo MGU, 1997. – 344 s.

[13] Okuneva D.V., Jacko T.S. Rechevoe manipuljativnoe vozdejstvie: strategii i taktiki. // Vestnik Hakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.F. Katanova. – 2024. – №4 (50). – S. 61-65.

[14] Belous N.A. Fazovaja harakteristika konfliktnogo diskursa. [Jelektronnyj resurs] – URL: http://www.tverlingua.ru/archive/008/section_3_8/3_2_8.htm (data obrashhenija: 25.03.2026).

[15] Zotova T.Ju., Surkova A.P. Taktiki rechevogo vozdejstvija v aspekte izuchenija kommunikativnogo povedenija pedagoga. // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovanija. – 2022. – №74-4. – S. 78-82.

[16] Porozova I.E. Signaly rechevoj agressii v tekstah nauchnoj i publicisticheskoj recenzij. – Ekaterinburg, 2018. – 109 s.

[17] Chzhou Chun'jan', Pavlov D.V. Jekstralingvisticheskie osobennosti politicheskogo diskursa SMI. // Filologicheskij vestnik. – 2024. – №2. – S. 4-9.

Утегенова К.Т., Байбулова А.Т.

ЛИНГВИСТИКАЛЫҚ ТАЛДАУ СӨЙЛЕУ АГРЕССИЯСЫ ЖӘНЕ СТУДЕНТТІК ОРТАДАҒЫ МАНИПУЛЯЦИЯЛЫҚ СТРАТЕГИЯЛАР

Аңдатпа. Мақала жанжалды қарым-қатынас жағдайында студенттік ортадағы сөйлеу агрессиясы мен манипуляциялық стратегияларды зерттеуге арналған. Зерттеудің мақсаты-агрессия мен манипуляцияның ең жиі кездесетін лингвистикалық маркерлерін анықтау, сондай-ақ қарым-қатынас түріне, қатысушылардың мәртебелік қатынастарына және қақтығыс сатысына байланысты олардың жұмыс істеу заңдылықтарын анықтау. Эмпирикалық база студенттердің ауызша және жазбаша қарым-қатынасының 80 фрагменті болды, соның ішінде Диалогтар, жанжалды сөздер және интернет-хат алмасулар. Талдау барысында сөйлеу агрессиясы мен манипуляциясының ең көп таралған маркерлері анықталды, ауызша және жазбаша қарым-қатынас формалары, сондай-ақ симметриялы және асимметриялық байланыс арасындағы айырмашылықтар анықталды. Зерттеу нәтижелері сөйлеу агрессиясы мен манипуляциялық стратегиялар тұрақты коммуникативті модельдерді құрайтынын және көбінесе адресатқа әсерін күшейте отырып, бірлесіп жұмыс істейтінін көрсетті.

Кілт сөздер: сөйлеу агрессиясы; манипуляция; білім беру дискурсы; студенттік орта; тілдік маркерлер; коммуникативті стратегиялар; сөйлеу әсері; жанжалды дискурс; сөйлеу прагматикасы.

Utegenova Karlyga, Baibulova Ainara

LINGUISTIC ANALYSIS OF SPEECH AGGRESSION AND MANIPULATIVE STRATEGIES IN THE STUDENT ENVIRONMENT

Annotation. The article is devoted to the study of speech aggression and manipulative strategies in the student environment in the context of conflict communication. The purpose of the study is to identify the most common linguistic markers of aggression and manipulation, as well as to identify the patterns of their functioning depending on the type of communication, the status relationships of the participants and the stage of the conflict. The empirical base was 80 fragments of oral and written communication of students, including dialogues, scandalous speeches and internet correspondence. In the course of the analysis, the most common markers of speech aggression and manipulation were identified, differences between oral and written forms of communication, as well as symmetrical and asymmetric communication were revealed. The results of the study showed that speech aggression and manipulative strategies form stable communicative models and often work together, increasing the impact on the addressee.

Keywords: verbal aggression; manipulation; student environment; language markers; communicative strategies; verbal influence; conflict discourse; pragmatics of speech.